

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

СМЫСЛ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ**

ЗАМЕЧАНИЯ НА ПОЛЯХ «РЕПЕТИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО»

Башков В. В. РЕПЕТИЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО : СЁРВЕН КЬЕРКЕГОР И КАРЛ ШМИТТ. — СПб. : ВЛАДИМИР ДАЛЬ, 2022. — (АРХИВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ; 2)

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-374-380.

Рассматриваемая книга преследует две тесно взаимосвязанные и подчиненные одна другой цели: во-первых, историко-философское рассмотрение влияния идей Сёрена Кьеркегора на правовые и философско-политические построения Карла Шмитта и, во-вторых, продвижение к выработке философской перспективы, новой проблематики, вырастающей из прочтения Карла Шмитта исходя из идей Сёрена Кьеркегора. Достижение первого необходимо для того, чтобы второе не было произвольным, случайным сближением далекого: историко-философская конкретность исследования придает второму плотность, обосновывает вопросы и варианты интерпретаций, направленные уже в будущее — в том числе и в будущее в смысле возможности более глубокого понимания прошлого.

Как и большинство других серьезных теоретиков, Шмитт ведет спор прежде всего со своим собственным, с тем, что имеет существенное значение не как внешний вызов (сугубо интеллектуальная проблема), а затрагивает или принадлежит к самому для тебя существенному — и от того никогда до конца не проясняемому, не обозримому вполне, поскольку ты имеешь дело лишь с его проявлениями. Для Шмитта это в первую очередь романтизм и либерализм. Если говорить о близости Шмитта

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник, научный руководитель; НОЦ «Центр исследований русской мысли» Института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), mestr81@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2437-5002.

** © Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 22-18-00591) «Прагматасемантика как интерфейс и операционная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

к романтическому избыточно — о годах его молодости, увлечении романтическим написано много и обстоятельно, — то о либерализме нередко забывают, где он предстает как плоскостная фигура антилиберального плана, одновременно судящая и либерализм, и индивидуализм¹. Можно было бы выстроить простое противопоставление по модели отреагирования, а именно указывая противоречие и/или противоположность между тем, что Шмитт утверждает как теоретик и политический писатель, и тем, что он сам практикует, как устроена его жизнь. Но это рассуждение как раз не представляет особенного интереса (даже если не сослаться на известную реплику Макса Шелера в ответ на вопрос одного из учеников о противоречии между его учением и жизнью: указательный знак не обязан идти в ту сторону, которую указывает). Намного более продуктивным представляется понять это противоречие именно как внутреннее, как проблему, как столкновение принципов (а не банальной теории и жизни). Второй ход, который осуществляет автор, — прочтение Шмитта как политического теоретика сквозь призму его же собственного ключевого положения политической теологии, о политических понятиях как секуляризированных теологических², где Кьеркегор служит не просто одним из философских вдохновений, но и создателем одной из форм теологического мышления (особенно сложного именно оттого, что возникает уже в ситуации секуляризации), перевод/проекцию которой на политическое практикует Шмитт.

Обращаясь к хрестоматийному кьеркегоровскому различению позиций эстетика, этика и религиозной позиции, данному в «Или — или» (1844), надобно напомнить, что если эстетическое оказывается вечным колебанием, стремлением удержать все альтернативы одновременно

¹Как справедливо отмечает автор, «негативную характеристику европейского индивидуализма, особенно в его либеральном изводе, можно найти едва ли не в каждом тексте Карла Шмитта» (Башков, 2022: 244). О невыходе Шмитта за пределы либерального см. критику Штрауса, проанализированную Майером (Майер, Коринец, 2012). Он же, кстати, показательно начинает разбор «Понятия политического» с отсылки к Кьеркегору: «...миру, который пытается уклониться от различения друга и врага, он наглядно показывает неизбежность радикального Или-или...» (там же: 11)

²Отметим попутно, что в «Политическом романтизме» Шмитт еще говорит о политическом как производном от метафизического с утратой оснований, объясняя, в частности, различие окказионализма Мальбранша от того субъективного окказионализма, в котором он видит суть политического романтизма, и при этом сохраняет эту трактовку и во втором, существенно расширенном, издании труда, вышедшем в 1924 году (см.: Шмитт, Коринец, 2015: 28–31).

и тем самым бесплодным, где дистанция создает зрителя (парадоксальным образом уравниваемым в своем смотрении с процессом проживания жизни, биологическим как противостоящим политическому³), то этическое, в свою очередь, оказывается чередой ситуаций, каждая из которых обсуждается как отдельная, в этическом все начинается вновь и вновь или, точнее, ничто не начинается и не продолжается, а есть лишь «событие» и «поступок», историческое здесь возникает привнесением извне.

В этом плане движение редакций «Понятия политического» от 1927 к 1932 гг. можно уподобить переходу от этического к религиозному у Кьеркегора. Ведь в варианте 1927 года речь идет о ситуации, с которой ты сталкиваешься, и требовании осознать ее всерьез (и, следовательно, именно принять как реальность, то есть действовать из реальности). Различение друг/враг там выступает не производимым тобой, а обнаружением себя в положении врага для другого⁴. В первой редакции «Понятия политического» (1927) Шмитт отчетливо выявляет свои именно моралистические корни, переходя к разбору вражды/войны и смертельной угрозы, утверждая:

Если такое физическое уничтожение человеческой жизни происходит не из-за бытийственного утверждения собственной формы экзистенции вопреки такому же бытийственному отрицанию этой формы, то его именно нельзя оправдать (цит. по: Майер, Коринец, 2012: 30).

Он продолжает: ведь не существует

никакой рациональной цели, никакой пусть и правильной нормы, никакой пусть и идеальной программы, никакой легитимности или легальности, которые могли бы оправдать то, что люди убивают друг друга (цит. по: там же).

³Примечательно, что Арндт уже в 1970-е развернет эту мысль в иную плоскость, опираясь на кантовскую «Критику способности суждения» в «Лекциях о политической философии Канта», где именно фигура зрителя станет ключевой, придающей не просто смысл действиям и действующим (поскольку сами действия предполагают публику, оказываются успешными или несущими поражение в зависимости от реакции зрителей), но и самой публичности, которая становится возможной за счет публики, как раз пребывающей в сумраке зрительного зала.

⁴И здесь принципиально важен послевоенный контекст — уже в 1937 году Шмитт пишет, прямо отсылая к тому положению вещей, над которым размышляет: «Война и вражда неотъемлемы в истории народов. Однако самая страшная беда приходит тогда, когда, как это случилось в войне 1914–1918 годов, вражда развивается из войны, вместо того (как это было бы правильно и имело бы смысл) некая предрасположенная, неизменная, чистая и тотальная вражда вела бы к Божьему суду тотальной войны» (цит. по: Агамбен, Ермаков, 2017: 99).

Как и говорилось выше, здесь видна и та подспудная либеральная линия, которую акцентирует Штраус, так как ни в действии судьи, выносящем смертный приговор, ни в действиях палача, приводящего приговор в исполнение, нет указанного единственного оправдания, а само оправдание фактически оборачивается формулировкой необходимой обороны.

Если в первом варианте много следов вынужденности, то в дальнейшем движение идет (1932) к пониманию вражды/войны, различения друга и врага как предельной интенсивности, определения не просто важнейшего, а того, через что определяется сам действующий — его сути. И тем самым далеким от понимания войны по Гоббсу, для которого

это не состояние борьбы как таковое, но все то время, когда мы ожидаем, что однажды будут новые столкновения, и предполагаем, что есть угроза нападения со стороны других (Башков, 2022: 210, ср.: Агамбен, Ермаков, 2017: 96),

т. е. противостоящее миру как покою, когда ожидание противоположно по содержанию.

Рутинa — состояние, когда вопрос о смысле отсутствует, проблемы смысла нет — действия совершаются потому, что они должны совершаться, потому, что так заведено. И в этом отношении либеральный порядок и политический романтизм сближаются с рутиной: если политический романтик может «понять все», обернуться чем угодно, то для него оказывается отсутствующим «смысл этого», есть только некая «перспектива» — то, чем это выступает сейчас, при этом с осознанием, что движение здесь определяется тобой, смена ракурса дает другой смысл. Либеральный порядок снимает вопрос о суверене — о том, кто вправе выйти за пределы права: право всегда «уже есть».

И вопросы Шмитта оказываются избыточными при «нормальном положении вещей» — другое дело, что само это «нормальное положение», в свою очередь, оказывается непонятным, некоей чистой данностью, где интерес устремлен на вопросы второго и третьего уровней, а вопрос об основаниях снят в силу «ясности», «самоочевидности», неотличимой от совершенной темноты (непрозрачности). Ведь там, где «все само собой разумеется», оно оказывается принципиально непонятным:

смысл всегда предполагает парадокс, одновременно отождествление и растождествление, тождественное и иное (Делёз, Луман)⁵.

Как озабоченность Кьеркегора, так и вопросы Шмитта — то, от чего легко уклониться в нормальном состоянии. Но дело не ограничивается одной лишь исключительностью, для которой неприменимо то, что мы знаем (как сознательно, так и рефлексивно) из нормального. Самое известное место, которое Шмитт позаимствует у Кьеркегора, — это тезис о том, что «исключение объясняет всеобщее и самое себя» (Шмитт, 2000: 29), а вся первая глава «Политической теологии» оказывается развернутым комментарием к этой цитате, которой она завершается. Здесь Шмитт уравнивает «нормальное», «нормальный случай» с кьеркегоровским «всеобщим» (что само по себе проблематично, поскольку для Кьеркегора в «Повторении» борьба идет с гегельянским «всеобщим», а отнюдь не с «нормальным» в смысле «обыкновенного», обычного порядка вещей) и утверждает, что само «нормальное» ничего не доказывает, ведь «нормальное» просто есть. Понять же, на чем оно основывается, можно только в исключении, которое здесь примечательным образом сближается с революцией, а именно: «В исключении сила действительной жизни взламывает кору застывшей в повторении механики» (там же).

Проблема, которую вновь и вновь отмечает Башков, — это то, что Шмитт именно пользуется отдельными понятиями и конструкциями Кьеркегора, не просто помещая их в радикально другой контекст, но помещая (по крайней мере, это можно заподозрить) как изолированные. Но эта же связь, поскольку она является связью идей, позволяет из перспективы Кьеркегора ставить вопросы уже к шмиттовским построениям. Так, при обращении к интенсивности в понимании политического возникает вопрос, от которого невозможно уклониться, — это вопрос о том, кто переживает, кто испытывает/претерпевает интенсивность. Можно ли в логике того же Шмитта говорить об интенсивности применительно к политическому сообществу или же речь идет об интенсивности существования множества составляющих его индивидов? И представляется, что здесь не будет однозначного ответа, а сама двусмысленность не является ни чем-то случайным, ни слабостью мысли, поскольку интенсивность — это и собирание субъекта как целого, определение по

⁵См. о проблеме разговора и смысла, понимании разговора не как «противоположности политической жизни, но именно [как] ее самостоятельная сфера»: Филиппов, 2015: 378–379.

отношению не как одного из аспектов, а того, через что не просто трактуется, но осуществляется он сам. Однако так как эта предельная интенсивность и есть политическое, то в рамке «Понятия политического» при исключенной из внутреннего войны/вражды логике государств она означает и реальность самого политического сообщества.

Политическое в итоге для Шмитта — то, что дает смысл коллективному или, переводя в более позднюю арендтовскую логику рассуждений из «*Vita activa...*», — то, что создает реальность в смысле объективности, способную быть разделенной с другими (Арендт, Бибахин, 2000: 65 и сл.). Понимаемое через интенсивность, которая не является лишь индивидуальной, оно (вос)создает иерархию духовной жизни⁶, относящееся к сути дела и удаленное от него, замещаая ушедшее священное и вместе с тем как смертное (и «смертный бог») одновременно и прикрывающее, и указывающее на отсутствующее.

ЛИТЕРАТУРА

- Агамбен Д.* Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2 / пер. с итал. С. Ермакова. — СПб. : Владимир Даль, 2017.
- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с англ. В. В. Бибахина. — СПб. : Алетейя, 2000.
- Башков В. В.* Репетиция политического : Сёрен Кьеркегор и Карл Шмитт. — СПб. : Владимир Даль, 2022. — (Архив политической мысли ; 2).
- Майер Х.* Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического» / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. — М. : Скимень, 2012.
- Филлипов А. Ф.* Политический романтизм Карла Шмитта // Политический романтизм / К. Шмитт ; пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. — М. : Праксис, 2015. — С. 317—381.
- Шмитт К.* Политический романтизм / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. — М. : Праксис, 2015.

⁶ «Когда разрушается иерархия духовной сферы, центром духовной жизни может стать все. Но все духовное, в том числе и само искусство, изменяется в своей сущности и даже извращается, когда эстетическое абсолютизируется и возводится на пьедестал» (Шмитт, Коринец, 2015: 28).

Teslya, A. A. 2023. "Smysl i politicheskoye [Meaning and the Political]: zamechaniya na pol'yakh 'Repetitsii politicheskogo' [Remarks in the Margins of 'A Rehearsal of the Political']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 7 (2), 374–380.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY

SENIOR RESEARCH FELLOW, SCIENTIFIC DIRECTOR

RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT, INSTITUTE FOR HUMANITIES

IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY (KALININGRAD, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-2437-5002

MEANING AND THE POLITICAL

REMARKS IN THE MARGINS OF "A REHEARSAL OF THE POLITICAL"

BASHKOV, V. V. 2022. *REPETITSIYA POLITICHESKOGO [A REHEARSAL OF THE POLITICAL]: SĖREN K'YERKEGOR I KARL SHMITT [SØREN KIERKEGAARD AND KARL SHMITT]* [IN RUSSIAN]. ARKHIV POLITICHESKOY MYSLI 2. SANKT-PETERBURG [SAINT PETERSBURG]: VLADIMIR DAL'

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-374-380.

REFERENCES

- Agamben, G. 2017. *Stasis. Grazhdanskaya voyna kak politicheskaya paradigma. Homo sacer, II, 2 [Stasis. La guerra civile come paradigma politico. Homo sacer, 2, 2]* [in Russian]. Trans. from the Italian by S. Yermakov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Arendt, H. 2000. *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni [Human Condition]* [in Russian]. Trans. from the English by V. V. Bibikhin. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Bashkov, V. V. 2022. *Repetitsiya politicheskogo [A Rehearsal of the Political]: SĖren K'yerkegor i Karl Shmitt [Søren Kierkegaard and Karl Shmitt]* [in Russian]. Arkhiv politicheskoy mysli 2. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Filippov, A. F. 2015. "Politicheskii romantizm Karla Shmitta [Karl Schmitt's Political Romanticism]" [in Russian]. In *Politicheskii romantizm [Politische Romantik]*, by C. Schmitt, trans. from the German by Yu. Yu. Korinets, 317–381. Moskva [Moscow]: Praxis.
- Meier, H. 2012. *Karl Shmitt, Leo Shtraus i "Ponyatiye politicheskogo" [Carl Schmitt, Leo Strauss und Der Begriff des Politischen]* [in Russian]. Trans. from the German by Yu. Korinets Yu. Moskva [Moscow]: Skimen'.
- Schmitt, C. 2015. *Politicheskii romantizm [Politische Romantik]* [in Russian]. Trans. from the German by Yu. Yu. Korinets. Moskva [Moscow]: Praxis.